

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт философии

Институт востоковедения

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР

Отдел философии

Институт востоковедения

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ФИЛОСОФСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ
ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

(Материалы Первого Всесоюзного координационного
совещания)

Издательство "Дониш"
Душанбе – 1983

Актуальные вопросы философской и общественной мысли зарубежного Востока. (Материалы Первого Всесоюзного координационного совещания). Душанбе: Дониш, 1983, с. 216.

Сборник охватывает тезисы докладов ученых, выступивших на Всесоюзной научной конференции "Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока" (Душанбе, 1981).

Материалы сборника посвящены анализу философской, общественной и политической мысли средневекового и современного Востока.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся проблемами востоковедения.

Редакционная коллегия: М.С.Асимов (председатель), Г.А.Ашуров, К.С.Айни, В.В.Мшвениерадзе, М.Т.Степанянц, М.Султанов, Г.Б.Шаймухамбетова.

Научно-организационную работу по подготовке сборника к изданию осуществляли М.Султанов и Г.Б.Шаймухамбетова.

А 0301000000 – 060 без объявл.
М 502 – 83

© Издательство "Дониш", 1983 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемый вниманию читателя сборник вошли выступления участников Первого Всесоюзного координационного совещания по актуальным вопросам философской и общественной мысли Востока, которое состоялось осенью 1981 года в г.Душанбе.

Совещание было подготовлено и проведено Институтом философии и Институтом востоковедения АН СССР, Отделом философии и Институтом востоковедения АН Таджикской ССР. В его работе приняли участие специалисты научных учреждений, вузов Москвы и Ленинграда, Узбекистана, Таджикистана, Казахстана, Киргизии, Азербайджана, Латвии и Эстонии. На совещании специалисты обменялись мнениями по широкому кругу проблем, о чем свидетельствует содержание сборника, и единогласно приняли рекомендацию, которая также публикуется.

В настоящее время в советском востоковедении идет интенсивный процесс изучения философии и общественной мысли народов Востока. Этот процесс расширяется и углубляется, что, несомненно, является положительным фактом.

В то же время еще окончательно не выработаны научные понятия и категории, которые строго соответствовали бы действительному положению вещей, имевшему место в реальном историко-философском процессе, а с другой стороны, были бы приняты всеми специалистами, занимающимися восточной философией. Несомненно, это будет достигнуто в ходе дальнейшего изучения ее.

Исходя из этого, редакторы сочли возможным не унифицировать терминологию, которой пользовались участники конференции по традиции, в особенности это касается философии и общественной мысли стран Ближнего и Среднего Востока.

Редколлегия

копистского материала и сохраняет представление как об индивидуальном почерке, так и о почерках в разную эпоху).

Данная статья носит описательный характер, поскольку недостаточная степень изученности этой проблемы не позволяет делать достаточно обоснованные теоретические выводы.

В тибетском языке существуют четыре слова, которые являются эквивалентами русского слова "книга".

Поти (по-ти, индийское заимствование) – основная форма книги в Тибете, представляет собой подражание индийским образцам. При таком способе брошюровка книги состоит из длинных бумажных листов (горизонтальных прямоугольников) с текстом на обеих сторонах. Часто листы скреплялись бечевкой, продетой через специальное отверстие в середине листа.⁴ Однако книги тибетского фонда РО ЛО ИВ АН СССР скрепляются иногда бумажным жгутом, продетым через отверстие в двух верхних углах листа. Листы книги могут быть никак не соединены. Помимо того, что потти – это способ брошюровки, в тибетских сочинениях этим словом обозначают книгу, написанную на санскрите. Таким образом, потти не только определяет форму книги, но и несёт информацию о её языковой принадлежности. Существуют потти малого формата – 7–8 x 20–25 см, среднего – 8–10 x 45–55 см, большого – 22–35 x 70–92.⁵ Кроме этой формы, в Тибете известны книги-свитки, книги-бабочки, гармоника, формы книг, характерные для Центральной Азии и Дальнего Востока.

Легбам (глегс-бам) – сложное слово, состоящее из двух значимых морфем: лег (дощечка, доска, лист) + бам (стопа, кипа, то, что собрано вместе). Лег принимает участие в словообразовании терминов, связанных с внешним оформлением книги (леггхаг – ремень для перевязывания книг, легбу – ярлычок с названием книги, легшинг – дощечки-обложки книги). Другие значения бам связаны со структурой книги – раздел или подраздел, собрание частей книги, набор страниц, т.е. книга понимается "как стопа или кипа дощечек". Дерево как писчий материал использовалось в Тибете, о чём свидетельствуют сохранившиеся тибетские документы, найденные в районе озера Лобнор и в Туркестане.⁶ Если обратиться к соседнему Китаю, то бамбуковые планки и деревянные дощечки как писчий материал использовались для книг и документов, а начертания иероглифов, служащих для обозначения понятий книга, письменность и других родственных им, имеют в своем составе детерминативы бамбука или дерева.⁷ В тех случаях, когда на планках писали более или менее длинный текст, на их концах делали отверстия, через которые продевали ремешок или верёвку, при помощи чего соблюдался должный порядок слов.⁸ Таким образом, два термина, потти и легбам, во-первых, определяют книгу с точки зрения материала и формы, связанной со способом брошюровки, информируют о языковой принадлежности (потти), а во-вторых, указывают на то, что тибетская книга складывалась под воздействием двух соседних культур. Причем вполне вероятно, что когда потти, книга на санскрите,

Е.Д. Огнева

КНИГА В ТИБЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

В наши дни изучение книги складывается в особую комплексную дисциплину – книговедение.¹ Как наука книговедение предполагает системный подход к объекту изучения – книге, которая, отражая свою эпоху, является матрицей породившего её общества. В создании этой новой отрасли знания "одинаково участвуют и история культуры, и история техники, и теория информации, и эстетика: с одной стороны – искусство, и литературоведение, с другой стороны – дизайн и полиграфия. Понимаемая как можно более широко"², и конечно же, региональные исследования книги.³ Тем самым один и тот же объект исследования предполагает не только прямое сотрудничество ученых разных специальностей на общей основе и в едином русле, но и согласованное разделение труда. В данном случае рассматривается частное явление книговедения – книга в тибетской культуре, тот комплекс представлений, который стоит за терминами, определяющими понятие "книга" в тибетской культуре, как рукописная, так и ксилографическая (ксилография – способ печатания даёт возможность точного воспроизведения ру-

проникла в Тибет, равного ей эквивалента в культуре еще не существовало, и непонятный объект сохранил свое название.

Пе, печка (дпе, дпе-чха) – сложное слово, части которого со – единены атрибутивной связью: пе – знаменательная морфема со значением образец, копия, пример, букварь + чха – служебная словообразовательная морфема со значением часть, т.е. печка – “часть копии, образца”. Пе принимает участие в создании терминов, связанных со способом хранения книг и их трансляции (пекханг – библиотека или книжный магазин, пецхом-па – сочинять книги, пешу-ба – копировать книги, пешу – скопированный манускрипт, пегъю – учебник).

Йигчха (йиг-чха) – сложное слово, йиг – знаменательная морфема со значением куйиг – письмо, памйиг – подорожная, йигцханг – архивные документы, йигпхад – интерполяция или грамматические ошибки и другие слова. Йигчха скорее понимается как “часть документа” и тем самым характеризует книгу с содержательной точки зрения. Печка и йигчха характерны для современного языка.

Можно сказать, термины печка и йигчха отражают два аспекта бытования книги как памятника культуры. 1) Концентрация знания, средство его хранения, способ обеспечения трансляции знания, возможность пространственно сосредоточить огромный объем сведений. 2) Обособление и фиксация заданного набора знаний и его дальнейшее распространение, его заданное воздействие. Поти и пегбам фиксируют отсутствие выработанного представления о книге, восприятие её как незнакомого объекта (инородного тела, поти) и разработку, процесс становления понятия посредством общественной практики (пегбам). Анализ понятия книга, выраженного четырьмя терминами, свидетельствует о заимствовании и фокусирует внимание на зависимости формы и материала, содержательном аспекте, коммуникативной связи и способе трансляции содержания.

Заимствованный характер отражается в тибетской культуре двояко: как исторический факт и как чудесное явление. В Дунхуанских хрониках говорится, что Тибет в прошлом не имел письменности. Но с приходом к власти царя Сронцзангамбо (УП в.), с именем которого связывается создание тибетского централизованного государства и принятие буддизма, возникает письменность. Её создателем является Тхонмисамбхота (УП в.), посланный царём в Индию или Непал, или Кашмир именно с этой целью.⁹ Тхонмисамбхота является автором первой тибетской грамматики. Согласно китайским источникам, жена Сронцзангамбо, китайская принцесса, привезла с собой, помимо всего прочего, бумагу и чернила. Но поскольку тибетцы не знали, как пользоваться этими предметами, Сронцзангамбо пригласил китайских учёных создать и ввести официальную переписку с Китаем.¹⁰ Данные тибетской и китайской историографии подтверждают заимствованный характер письменности, введенной документации, неясность функционального назначения предметов, необходимых для письма (бумаги и чернил), и косвенным образом подтверждают отсутствие эквивалента равного по-

нятию книга. Письменность же появляется при создании и консолидации государства нового типа и при введении новой идеологии (буддизма).

Просветительская деятельность Сронцзангамбо преломляется в рамках тибетской культуры через космологический принцип, отражая движение по горизонтали и вертикали. Движение в горизонтальной плоскости широко представлено в различного рода описаниях, посвященных тем или иным событиям. В основе этого явления лежит, во-первых, реальное географическое положение Тибета, окруженного со всех сторон горами, и, во-вторых, непосредственное воздействие буддийских ритуалов, ориентированных по сторонам света. Поэтому вполне естественно, что проникновение книги в Тибет ориентировано в пространстве. Точка отсчёта – восток: с востока, из Китая и Сися (тангутов) пришли книги по ремёслам и гаданию (или же медицинские и астрологические книги); с юга, из Индии – книги религии, учения; с запада, из Согда и Непала – драгоценности; с севера, от хоров и уйгуров – книги законов.¹¹

Движение в горизонтальной плоскости отражает содержательный аспект и наличие коммуникативной связи.

Движение по вертикали реализуется как движение сверху и снизу. Отражение такого хода присутствует в мифах, в эпосе, где герой уподобляется либо колонне неба, либо гвоздю земли, в царских преданиях, где царь спускается с неба на престол и после смерти поднимается снизу, с земли, ~~наверх~~, в ритуалах персонажей пантеона, в некоторых праздничных обрядах, когда избранник либо спускается сверху (с горы или крыши дворца на верёвке) или поднимается вверх по лестнице.

По преданиям в тибетских апокрифах, книга впервые появляется при царе Лхатхотхори (П-Ш вв.), чудесным образом падая с неба в корзину или сундуке вместе с другими предметами неизвестного назначения. Падение сопровождалось небесным гласом, объявившим, что назначение и правила употребления этих предметов станут известными только пятому царю после Лхатхотхори, т.е. историческому царю Сронцзангамбо. О чудесных предметах и книге забыли, спрятав их в кладовую. И вот на страну обрушились беды, землетрясения, эпидемии. Так прошло много лет. Затем царю явился пять благородный мужей. Они сказали, что все беды от того, что чудесные предметы преданы забвению. Когда их вынули из кладовой и воздали почести, все несчастья исчезли. Настало время Сронцзангамбо, который попытался выяснить назначение неизвестных предметов, а так как никто не знал, то царь послал в Индию молодых людей выучиться неизвестному делу и создать письменность. Таким образом, факт появления книги трансформируется как факт её появления раньше возникновения письма. При этом ~~акцентируется~~ внимание на непонятности данного предмета. И саму письменность создаёт не культурный герой (Кадм) и не бог (Тот), а исторический человек, специально посланный для этой цели. (тибетские

мифы о возникновении письменности пока не известны). Принятие буддизма в качестве государственной религии, т.е. смена идеологии в данном случае, сопровождалась созданием письма, всё вместе обусловило понимание функционального назначения книги.¹²

Представление о чудесном падении книги с неба параллельно существует с преданиями о её чудесном появлении из таинников, снизу. Сохранилась даже специальная терминология для данного типа книг: "книги, найденные в земле", "сокровенные книги", "книги из кладов" (книга в этом случае – закон, учение, дхарма, чхой).¹³ Сюжетный ход таков: в стране наступает голод, вспыхивают эпидемии, происходят землетрясения; потом в какой-либо местности являются чудеса – светится или земля, или колонна, или что-либо еще. Когда из такого места извлекают книгу, в стране прекращаются все несчастия. Время появления "сокровенных книг" – XIII–XV вв., в качестве же их авторов называют лиц, живших в VII–VIII вв. Иногда эти "сокровенные книги" имеют подчеркнуто таинственный и странный вид: в некоторых из текстов главы заканчиваются печатями, ряд печатей перечисляется в конце самой книги; обычная вертикальная черта, разделяющая в тибетском письме предложения и их части, заменяется двумя кружками с поперечной чертой между ними и т.д.¹⁴ "Сокровенная книга", терчхой – сложное слово, состоит из двух морфем, тер (гтер) – сокровищница, чхой (чхос) – дхарма. В данном случае термин дхарма означает учение Будды. По определению О.О. Розенберга, "в популярном буддизме в этих случаях подразумевается "учение" как таковое, в смысле содержания писания и даже священной литературы как таковой".¹⁵ В тибетской традиции также зафиксировано это значение дхармы. Современный тибетский ученый Дагйаб Лоден Шейраб пишет, что "чхой" – это учение, т.е. сунграб (гсунг-раб), слова Будды.¹⁶ Книга понимается как нечто произнесенное.

Таким образом, движение по вертикали фокусирует внимание на странности, непонятности, необычности книги: в одном случае – непонятность назначения, непонятный язык (движение сверху); в другом – необычная, особая внешняя форма (движение снизу). Постигание книги, её понимание происходит через поколения предков; в первом варианте от царя Лхатхотхори должно пройти пять поколений до царя Сронцангамбо (о чем сообщают пять мужей, явившихся чудесным образом), во втором – авторами "сокровенных книг" являются люди, жившие гораздо раньше, чем созданные ими книги, т.е. в любом случае представление о книге оформляется как о носителе коллективного опыта, обретающем теперь новую форму сохранения коллективного знания и способ его трансляции. Книга становится атрибутом персонажей пантеона: бодхисаттвы Мудрости – Манджушри, который держит меч, отсекающий "незнание" (маригпа, авидья) и книгу праджняпарамиты, воплощающую "знание" (шейраб, праджня); книга – атрибут Праджняпарамиты, святых буддийской церкви Тибета. Можно сказать, что книга понимается как способ концентрации знания, как средство его хранения,

как способ обеспечения его трансляции.

Книга изначально понимается как проявление чудесной силы. Само по себе подобное явление не уникально. Мотив падения зафиксирован и в других культурах (Голубиная книга), к нему возвращаются даже в XX веке. Падение книжек сверху, их чудодейственное воздействие отмечалось во время первой мировой войны. Так солдаты-катопики носили в качестве оберега книжки, которые якобы упали с неба и потому обладали особо сильной орендой.¹⁷

Кроме чудодейственной силы, книга обладает способностью говорить. Учение, зафиксированное в традиции, понимается как "сказанное" (сунграб). Тибетскую книгу в начале всегда проговаривают, произносятся: в колофонах встречаются термины "из уст такого-то", "устаи такого-то сказано". Это явление отмечается С.С. Аверинцевым, правда, на совсем другом материале, как "норма литературной условности", литературного приписания, присущего многим культурам от древности до современности.¹⁸ Прежде всего, сам по себе этот факт свидетельствует и отражает участие артикуляции в процессах письма. Проговаривание записываемого слова оказывается не просто аккомпанементом, сопровождающим письмо, но существенной и составной частью, внутреннее проговаривание взрослого человека, ставшее неслышным, не пишется полностью своего значения и продолжает играть в письме свою существенную роль.¹⁹ Внутреннее проговаривание письменности текста – необходимый элемент психофизиологического процесса письма. Тем самым механизм, который вызывает представление о том, что слову, произнесенному вслух, молитве, заклинанию присуща внутренняя имманентная сила, переносит это представление на письменный текст, книгу. Письменный текст сохраняет манну, волшебную силу, только тогда, когда он, так же как и произнесенное слово, воспроизводится без всяких искажений.

Связь слова и письменного знака, о которой говорилось выше, предопределяет перенос предохранительной функции слова на книгу. Следствием этого, как можно предположить, является возникновение книжек малого формата, предназначенных не столько для чтения, сколько для ношения в качестве амулета; традиционные формы – малый формат, потти и форма свитка. То же было характерно для магической литературы, скажем, сирийского толка или же точнее – христианского.²⁰ В Тибете книги буддийского Канона (большой формат потти) носили по полям, чтобы вызвать дождь, нейтрализовать действие злых духов, напавших засуху,²¹ или же предотвратить выпадение града на созревший урожай. В 30-е годы нынешнего века в Туве тибетские книги малого формата, молитвенники, связанные с циклом Ямантаки, раскладывались на могилах, погибших от моровой язвы.²² Можно сказать, что "магическая литература (магическая функция книги. – Е.О.) есть выражение особого "двоеверного мировоззрения, возникшего в народном сознании" как результат своеобразной переработки новых христианских идей (в нашем случае буддийских) на основе прежней магической идеологии."²³

Традиционно представление, что во все времена книги создавались книжниками для книжечков. Чтобы читать и тем более переписывать византийскую книгу, нужно было быть грамотным человеком, обладать минимумом знаний.²⁴ Конечно, тибетская книга также создавалась для грамотных людей. Но вместе с тем довольно часто встречаются упоминания о том, что книги переписывались безграмотными пастухами, доски ксилографов вырезались неумевшими писать земледельцами. Преувеличения в этом нет. Возможность писать по оптическому шаблону обусловлена психофизиологическим механизмом, лежащим в основе тибетского письма. Кроме этого, необходимо учитывать еще одно значение слова дхарма. Как пишет Дагйаб Лоден Шейраб, чхой (дхарма) – это соднам (боднамс, пунья), “благая заслуга”, обретаемая благими действиями в предыдущих рожденьях, накопление “благих заслуг” (соднам-чхи цхог, пуньяшамбара) приводит к благим результатам.²⁵ Подобное идеологическое обоснование сводится к тому, что переписка и переиздание, пожертвование денег на эти мероприятия и другие подобные действия приводят к “накоплению благой заслуги” (пуньяшамбары), ведущей человека к благому результату.

Тысячи монахов, не покладая рук, трудились над размножением книг буддийского канона. Они выполняли заказы монастырей, верующих, жертвовавших большие средства, по собственному почину, обретая тем самым “благие заслуги”. Магия книги увеличивалась в зависимости от цвета чернил или краски переписанного или отпечатанного текста: текст, воспроизведенный красным цветом, увеличивал чудесную силу книгу и “благую заслугу” исполнителя и заказчика в 108 раз (по количеству томов Канчжур), воспроизведенный в серебре – в 108 раз сильнее, чем красный и т.д.

С началом ксилографии и её последующим развитием стотысячные тиражи были не удивительны, а скорость печатания в день от вырезанной доски была от двух тысяч до десяти тысяч отпечатков (истина, очевидно, лежит где-то посередине). На протяжении от ХУ до первой половины ХУП в. пять раз вырезались доски (только в Тибете, не считая монгольских и бурятских изданий) восемнадцатитомного собрания сочинений Цзонхавы Лобзан-дакпы (1357–1419 гг.); пять раз в разных монастырях вырезались доски для изданий буддийского канона (Канчжур – 108 томов, Танчжур – 220 томов). Об отдельных изданиях наиболее популярных произведений и говорить не приходится. Ксилография, издавание в данном случае, не являлась средством размножения книг, а была лишь средством воспроизведения. Можно сказать, что огромные тиражи, количество книг, приходящихся на душу населения, не всегда являются объективными показателями уровня грамотности, книжной культуры населения, а, скорее, свидетельствуют о том, что книга в некоторых культурах функционирует как объект особого назначения.

Таким образом, анализ терминов, определяющих понятие книга в тибетской культуре, и её восприятие обнаруживает общее, присущее книге как объекту культуры, и особенное, обусловленное формой идео-

логии и общественной практикой конкретного общества, в последнем следует различать региональное и локальное.

Выражением общих закономерностей в явлении “книга в купьтуре” можно считать: 1) появление письменности и книжной купьтуры обусловлено созданием государства нового типа и введением новой идеологии; 2) введение новой идеологии способствует возникновению особого “двоеверного мировоззрения”, которое приводит к созданию литературы, не соответствующей основным идеологическим положениям, запретной литературы, обретающей в силу специфики содержания и специфическую форму; внутреннее проговаривание как необходимый элемент психофизиологического процесса письма способствует выработке особой “нормы литературной условности”, в данном случае “книге, обретающей дар речи”.

Региональные особенности книги, функционирующей в рамках купьтур, оказавшихся под воздействием буддизма, заключаются в следующем. 1. Ксилографический способ издания, несмотря на то, что зафиксированы попытки использовать наборный шрифт (Китай, Япония); обоснование использования ксилографии требует специального рассмотрения и связано не только с экономическими предпосылками, но и с существенными различиями в выработке философских мировоззренческих представлений. 2. Развитие ксилографии было направлено не столько на распространение книги, книжной купьтуры, сколько на воспроизводство самой книги как средства “обретения и накопления благих заслуг”, которые должны были в буддийской традиции привести к обретению “благих результатов”.

В рамках собственно тибетской купьтуры можно предположить, что книга воспринималась как объект особого назначения, неизвестного; освоение и усвоение неизвестного объекта осуществлялось в традициях, обусловленных развитием тибетской государственности; воспроизводство книги как объекта особого назначения связано с особой формой тибетской государственности, предопределившей функциональное назначение монастырей как культурных и духовных центров и весьма слабое развитие светской купьтурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

¹ В 20-е годы книговедение понималось как совокупность проблем книгопроизводства, книгопечатания, книгораспространения и книгоиспользования. См.: Книга о книге. НИИ книговедения при ГПБ. Ленинград, 1927, с. 31.

² Сидоров А.А. Предисловие к книге: Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества. Москва, 1972, с. 3

- 3 См.: Флуг К.К. История китайской печатной книги Сунской эпохи. М., 1959; Гривнин В.С. Японская печатная книга УШ –первой половины XI века и её роль в развитии культуры и литературы. Автореф. дис. канд. филолог. наук. М., 1962; Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972; Терентьев-Катанский. А.П. Книжное дело в государстве Тангутов. М., 1981.
- 4 Кычанов Е.И., Савицкий Л.С. Люди и боги страны снегов. М., 1975, с. 243.
- 5 Там же, с. 244.
- 6 Воробьев-Десятовский В.С. Коллекция тибетских документов на дереве, собранных С.Е.Маловым. – Учёные записки Института востоковедения, № У1; Он же. Тибетские документы на дереве из района озера Лобнор. – Эпиграфика Востока, вып. 7, 8 и 10, 1953–1955.
- 7 Флуг К.К. История китайской печатной книги, с. 43.
- 8 Там же, с. 44.
- 9 Stein.R., Tibetan Civilization, 1972, p.52
- 10 Там же, р. 58.
- 11 Там же, р. 52.
- 12 Ср. мнение А.П.Каждана: "Смена цивилизаций сопровождается сменой писчего материала (папирус – пергамен). Книга раннего средневековья по преимуществу – пергаменная". См.: Каждый А.П. Книга и писатель в Византии. М., 1973, с. 51.
- 13 Востриков А.И. Тибетская историческая литература. М., 1962, с. 24–25.
- 14 Там же.
- 15 Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918, с. 86.
- 16 Loden Sherab Dargyab, Tibetan Religious Art, part Texts, 1977, Wiesbaden, p.2–3
- 17 Кагаров Е.Г. Словесные элементы обряда. В сб.: Из истории русской фольклористики. Ленинград, 1981, с. 69–70.
- 18 Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 185.
- 19 Лурия А.Р. Очерки психофизиологии письма. М., 1950, с. 53.
- 20 Мещерская Е.Н. Сирийские записные сборники из Матенандарана. Палестинский сборник. Вып. 27 (90), с. 93–106.
- 21 Tucci D., Tibet. Land of Snow, London, 1967, p.130.

- 22 Пользуюсь случаем выразить признательность за ценные сведения, сообщенные в личной беседе участниками Тувинской археологической экспедиции Я.В.Васильковым и Владимиром М., за возможность ознакомиться с тибетскими сборниками.
- 23 Чернецов С.Б. Эфиопские магические свитки. Автореф. канд. ист. наук. М.; Л., 1974.
- 24 Каждый А.П. Книга и писатель в Византии, с. 80
- 25 Loden Sherab Dargyab, Tibetan Religious Art, part I. Texts, 1977, Wiesbaden, p.2–3